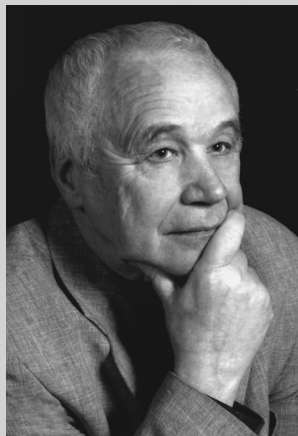

ДИССИДЕНТСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Опыт Петра Чаадаева

Б.В. Емельянов

Емельянов Борис Владимирович
доктор философских наук, профессор УрГУ,
заслуженный деятель науки РФ

*Нам незачем бежать за другими;
нам следует откровенно оценить себя,
понять, что мы такое...*

П.Я. Чаадаев

История диссидентства в России еще не написана, но главные его действующие лица от князя Андрея Курбского до академика Андрея Сахарова хорошо известны. В их ряду Петр Яковлевич Чаадаев занимает особое место. Волею судьбы, собственного таланта и жизненных обстоятельств он превратился в знаковую фигуру русской мысли. Его уникальность очевидна, хотя споры об оценке его теоретических идей не прекращаются до сих пор. Все его знают и... не знают. Может быть потому, что у каждого Чаадаев свой. Почти не вызывает кривотолков лишь одна фактография его трагической судьбы.

Родился П.Я. Чаадаев 7 июня 1794 г. Происходил он из древнего аристократического рода. Его дедом был знаменитый оппозиционер Екатерины II князь М.М. Щербатов. Чаадаев рано приобщился к философии, может быть потому, что его домашним учителем был профессор философии Московского университета Иоганн Теофил Буле. Увлечение философией Чаадаев закрепил в Московском университете, куда поступил четырнадцати лет. В университете его друзьями становятся А. Грибоедов, будущие декабристы: И. Якушкин, братья Муравьевы, Н. Тургенев.

Из университета восемнадцатилетний Чаадаев ушел воевать с Наполеоном. В рядах гвардейского Семеновского полка он участвовал во всех крупных сражениях, в том числе под Бородином, награжден

орденом Анны IV степени и Железным крестом.

Вернувшись в Москву, Чаадаев быстро продвигался по службе и в 1817 г. стал адъютантом командира гвардейского корпуса генерала И.В. Васильчикова. Одно время был масоном, где достиг высшей – восьмой степени посвящения, однако вскоре «пресек всякие сношения с масонством по собственному уверению в ничтожестве и безрассудстве оного» (Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. и избр. письма. Т.1. М., 1991. С.579).

Его будущие резкие высказывания о рабстве и плачевном состоянии России родились в кругу декабристов «Союза Благоденствия», а затем Северного общества, членом которых Чаадаев был. Первое время декабристы возлагали свои надежды на Александра I, надеясь убедить его осуществить демократические преобразования в стране. Случай представился в 1820 г., когда с известием о возмущении солдат Семеновского полка Васильчиков послал Чаадаева в Троппау, где царь в то время находился. Его беседа с царем продолжалась более часа и... не принесла успеха. Чаадаев ушел в отставку и 1823 г. уехал в Англию; до Кронштадта его провожали декабристы М.М. Муравьев-Апостол и Н.Н. Раевский.

В Европе (Англия, Франция, Швейцария, Италия, Германия) Чаадаев ведет активную жизнь, знакомится с братьями Гумбольдтами, Кювье, Ламенне, Шатобрианом, Кюстиным, Шеллингом. Тяжелым известием для него стало сообщение о трагическом поражении декабристов. В 1826 г. он возвращается на Родину, на границе в Брест-Литовске Чаадаева задержали и взяли подписку о непринадлежности к антиправительственным организациям. Поселившись в захолустном Подмоскowie, он приступил к обдумыванию своих «Философических писем». Вернувшись в начале 30-х годов из добровольного заточения, Чаадаев приступил к их распространению в списках. А в 1836 г. в «Телескопе» ему удалось первое из «Философических писем» опубликовать. Письмо это «потрясло всю мыслящую Россию» (Герцен). К его автору царь применил первый опыт «карательной медицины». Резолюция царя: «Прочитав статью, нахожу, что содержание оной – смесь дерзостной бессмыслицы, достойной умалишенного: это мы узнаем непременно...» – инспирировала медицинское освидетельствование, после чего Николай на донесении Особой комиссии начертал: «Чаадаева продолжать считать умалишенным и как за таковым иметь медико-полицейский надзор». А еще ему было запрещено что-либо печатать. Чаадаев так и остался более чем на полстолетия знаменитым автором единственной публикации.

Так закончились внешние обстоятельства его

жизни, внутренняя работа мысли продолжалась. Еще им были написаны афоризмы, десятки писем, незаконченная «Апология сумасшедшего». Умер Чаадаев 14 апреля 1856 г.

Петра Чаадаева понимали, поддерживали и ругали одновременно, даже друзья. Спорили о его правоте в оценках России, о его якобы поклонении католицизму, о его западных пристрастиях. В настоящее время спорят об этапах его эволюции как мыслителя. Моя задача, уйдя от этих споров, показать и оценить (как я считаю, для своего времени диссидентские) поиски Чаадаевым русской идентичности.

Итог размышлений мыслителя, к которому он пришел в период написания «Философических писем», таков: Россия – страна отсталая, неразвитая. Первое «Философическое письмо» всецело посвящено обоснованию нелицеприятно для любого русского тезиса: «В крови у нас есть что-то такое, что отвергает всякий настоящий прогресс». Чтобы разобраться с причиной такого униженного для большой страны состояния, Чаадаев обращается к истории России и обнаруживает, что она не имеет аналогов ни у западных, ни у восточных народов: «Дело в том, что мы никогда не шли вместе с другими народами, мы не принадлежим ни к одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку, и не имеем традиций ни того, ни другого. Мы стоим как бы вне времени, всемирное воспитание человеческого рода на нас не распространилось. Дивная связь человеческих идей в преемстве поколений и истории человеческого духа, приведшие его во всем остальном мире к современному его состоянию, на нас не оказали никакого действия» (Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. Т.1. М., 1991. С.323). В результате такое прошлое влияет на наше настоящее: «Первые наши годы, протекавшие в неподвижной дикости, не оставили никакого следа в нашем уме и нет в нас ничего лично нам присущего, на что могла бы опереться наша мысль; выделенные по странной воле судьбы из всеобщего движения человечества, не восприняли мы и традиционных идей человечества» (Там же. С.325).

Одна из причин такого состояния России, по мнению Чаадаева, состоит в том, что она как бы выпала из ареала единого христианского мира. И хотя Россия христианская страна, ее православие как бы неподлинное христианство. Это отпадение произошло еще в момент крещения Руси. Восприняв христианскую веру из Византии, «мы восприняли, следовательно, идею искаженную человеческой страстью» (Чаадаев П.Я. Статьи и

письма. М., 1989. С.48). Другими словами, в России, во-первых, нет традиций исторического развития и, во-вторых, ее вера искажена и недействительна. В результате мы оказались как бы на обочине истории. И если другие народы развиваются, «мы, напротив, не имеем ничего подобного. Сначала дикое варварство, затем грубое суеверие, далее иноземное владычество, жестокое и унижительное, дух которого национальная власть впоследствии унаследовала, – вот печальная история нашей юности. Поры быющей через край деятельности,

кипучей игры нравственных сил народа – ничего подобного у нас не было» (Чаадаев П.Я. Полн.собр.соч. Т.1. М., 1991. С.324). Другими, словами историческое время для России как бы остановилось, мы выпали из него. «Поколения и века протекли без пользы для нас».

И это еще не все. Первым в истории русской мысли Чаадаев обратил внимание на влияние природы, географического фактора на жизнь народа. Россия занимает пятую часть территории земного шара от Берингова пролива до Одера и от 45 до 65 градуса северной широты. Но при этом ее климат настолько суров, что, говоря о нем, «можно не в шутку спросить себя, был ли он предназначен для жизни разумных существ» (Там же. С.340). Такие тяжелые климатические условия, естественно, оказывали негативное влияние на социальные отношения. Как пишет мыслитель, «в такой среде нет места для правильного повседневного общения умов; в этой полной обособленности отдельных сознаний нет места для их логического развития, для непосредственного порыва души к возможному улучшению, нет места для сочувствия людей друг к другу, связывающего их в тесно сплоченные союзы, пред которыми неизбежно должны склониться все материальные силы» (Там же. С.480). Тяжелые природные условия детерминируют тяжелые материальные условия жизни россиян, вызывают «слепую покорность силе вещей», не только природным, но и социальным силам, что привело к доминированию материального начала над духовным, умственным, нравственным. Конечный результат для России опять-таки печален: «Настолько велико в мире наше материальное значение, настолько ничтожно все наше значение силы нравственной. Мы важнейший фактор в политике и последний из факторов жизни духовной» (Там же). Говоря и сейчас о российской идентичности, мы не можем отрицать «факт географический» и не помнить слова русского мыслителя сказанные почти два столетия назад: «Есть один факт, который властно господствует над нашим многовековым историческим движением, который проходит через

Petr Chaadaev

всю нашу историю; который содержит в себе, так сказать, всю ее философию, который проявляется во все эпохи нашей общественной жизни и определяет их характер, который является в одно и то же время и существенным элементом нашего политического величия и истинной причиной нашего умственного бессилия: это факт географический» (Там же. С. 538).

Обратил внимание Чаадаев и на внутреннее состояние русского общества, особенно на то, что в нем нет порядка, особенно на господство случайных поступков. В частности он пишет: «Ни у кого нет определенной сферы деятельности, нет хороших привычек, ни для чего нет правил, нет даже домашнего очага, ничего такого, что привязывает, что пробуждает наши симпатии, нашу любовь; ничего нет устойчивого, ничего постоянного; все течет, все исчезает, не оставляя следов ни во вне, ни в нас» (Там же. С.323-324).

Беспорядок и хаос царит и в духовной жизни русского общества, о чем Чаадаев пишет в своих «Философических письмах» неоднократно и много. Вот одно из таких его рассуждений: «В наших головах есть нечто еще более худшее, чем легковесность. Лучшие люди, *лишенные связи и последовательности*, как бесплодные заблуждения парализуются в нашем мозгу... Такие растерянные существа встречаются во всех странах: у нас это общее свойство» (Там же. С.328). Панорама духовной жизни русского общества вообще безрадостна: «... тут беспечность жизни без опыта и предвидения, не имеющая отношения *ни к чему*, кроме призрачного существования личности, *оторванной* от своей среды, не считающейся ни с честью, ни с успехами какой-либо совокупности идей и интересов, ни даже с родовым наследием данной семьи и *всеми предписаниями* и перспективами, которые определяют и общественную и частную жизнь в строе, *основанном на прошлом* и на тревоге за будущее» (Там же). Оценивая эти высказывания П. Чаадаева, современный исследователь пишет: «Возможно, впервые в российской печати в этих строках было высказано чувство одиночества, не как одиночки – изгоя вне его существующей общественной жизни, но как «общества одиночества», состоящего из существ, даже не личностей, в обществе без устойчивых связей, «без прошлого и будущего»» (Феоктистов Г.Г. П. Чаадаев: время и история // Русская философия: новые исследования и материалы. СПб., 2001. С.364).

Такое одинокое, униженное состояние русского человека – результат негативных сторон его быта. По мнению Чаадаева русский человек пассивен, безынициативен, в нем отсутствует «свободный почин». И понятно, почему – в русском отсутствует элементарная свобода. В России – все рабы и печать рабства лежит на всем: на человеческих отношениях, нравах, образовании. Между крепостным и свободным гражданином в русском обществе нет

большой разницы. Чаадаев пишет: «Посмотрите на свободного человека в России! Между ним и крепостным нет никакой видимой разницы. Я даже нахожу, что в покорном виде последнего есть что-то более достойное, чем в озлобленном и смутном взгляде первого». И далее: «В России все носит печать рабства: нравы, стремления, просвещение, и даже вплоть до свободы, если последняя может существовать в этой среде» (Чаадаев П.Я. Полн. собр.соч. Т.1. С.492-493).

Высказав столь нелюбимые суждения о России, философ-диссидент оказался перед лицом своих противников и даже друзей, не понявших его боли о России. Вначале он пытался объяснить в неоконченной «Апологии сумасшедшего», в которой, в частности, писал: «Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами, со склоненной головой, с запертыми устами. Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если хорошо понимает ее; я думаю, что время слепых влюбленностей прошло, что теперь мы прежде всего обязаны родине истиной» (Там же. С.533). А затем он стал размышлять не о прошлом, а о будущем России, строить планы ее возрождения. Тысячелетняя история огромного народа, – считал он, – не может быть историей одних ошибок. У него были свои взлеты национального патриотизма и учения.

Философ был уверен, что у России светлое будущее. Эта уверенность покоилась на убеждении, что, поскольку у России нет, как у западных народов, обременительного прошлого, она как молодая страна имеет свободу выбора и очень быстро пройдет путь культурного и социального развития. В письме к А.И. Тургеневу философ так и написал: «... мы пойдем вперед, и пойдем скорее других, потому что пришли позднее их, потому что мы имеем весь их опыт и весь труд веков, предшествовавших нам» (Там же. Т.2. С.98).

Будущее развитие России Чаадаев не связывает с социализмом. «Земной рай», который предлагает социализм, для России – христианской страны – вряд ли возможен. По отношению к нему философ высказывает парадоксальное суждение: «Социализм победит не потому, что он прав, а потому, что не правы его противники» (Там же. Т.1. С.506).

Россия должна пойти своим, не европейским путем и стать в конечном итоге «страшным судом» европейской истории. «У меня есть глубокое убеждение, – писал Чаадаев, – что мы призваны решить большую часть проблем социального порядка, завершить большую часть идей, возникших в старых обществах, ответить на важнейшие вопросы, которые занимают человечество... мы, так сказать, самой природой вещей предназначены быть настоящим совестным судом по многим тяжбам, которые ведутся перед великим трибуналом человеческого духа и человеческого общества» (Там же. С.534).

Как христианский философ Чаадаев призывает вместе с тем учесть опыт Европы, в которой «люди искали истину и попутно находили свободу и благоденствие». Истину же он видел в нравственном совершенствовании, к которому христианство и призывает. Завет Чаадаева в этом смысле простой: христианство надо понимать не как моральный кодекс, превращенный в религию, а как своего рода программу социального поведения, побеждающего в человеке животное начало, возвышая его духовно-нравственное начало.

В заключение вернемся в наше время. Еще недавно мы были в ситуации схожей с чаадаевской Россией. После крушения социалистического строя Россия оказалась перед выбором путей

дальнейшего развития. В наличии был тупик: отставание от Запада, отсутствие устойчивости, призыв к покаянию, обвал самоуничтожения и все тот же двуглавый орел, смотрящий на Запад и на Восток. И в очередной раз Россия, как птица Феникс, возрождаясь из пепла, нашла свой путь восходящего развития. И сейчас, вспоминая Чаадаева, мы должны сказать, что у России были, есть и будут такие диссиденты, философы-провидцы, которые могут сказать, как он: «Я предпочитаю бичевать свою родину, предпочитаю унижать ее – только не обманывать» (Там же. С.469).

О.Б. Ионайтис

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ КАРАМЗИН: ПУТЕШЕСТВИЕ КАК ПОИСК СЕБЯ

Ионайтис Ольга Борисовна

доктор философских наук, профессор
кафедры истории философии УрГУ,
член-корреспондент РАЕН

Во второй половине XVIII века все большую популярность в России приобретает путешествие. Путешествие по Европе – логичное завершение образования и важная веха самообразования, обязательный обряд для вхождения в интеллектуальное сообщество современников, идеальный стиль жизни философа. В это время путешествовали много и многие. Европа, пожалуй, впервые увидела столько русских на своих улицах, в своих библиотеках и университетах, в художественных салонах, на философских и политических диспутах. Среди многочисленных путешественников был и тот, чье имя нам хорошо знакомо – Николай Михайлович Карамзин. Он не только путешествовал, но и оставил воспоминания своих встреч и раздумий в пути.

«Письма русского путешественника» (1790–1801) Н. М. Карамзина являются важной вехой не только в истории развития русской литературы, но и общественной мысли России конца XVIII столетия.

Впервые «Письма русского путешественника» появились в «Московском журнале» (1791–1792) и «Аглаи» (М., 1794–1795). «Письма русского путешественника» сразу же вызвали интерес и живые отклики современников.

В них мы можем видеть палитру философских дискуссий как в России, так и в Европе второй половины XVIII века. В «Письмах русского путешественника» ставится вопрос о традициях, ориентациях русской культуры – Восток или Запад, об отношении русской мысли к европейской. Путешествуя по Европе, разбираясь в переплетении европейской истории и философской мысли, Н. М. Карамзин искал место России. Этим объясняется многое в его сочинении. Но вместе с решением вопроса об идентификации отечественной культуры, Н. М. Карамзин стремился определиться и сам. Причем, процесс этот был достаточно своеобразен и отражал характер эпохи, в которой жил автор. М. Ю. Лотман и Б. А. Успенский живописно характеризуют «литературную и общественную позу» Н. М. Карамзина: «Творя литературу, Карамзин творил самого себя, и поза для него становилась необходимым условием амплуа писателя... Литературная поза Карамзина как автора «Писем русского путешественника» двоилась в расчете на два различных типа аудитории. В России, перед русским читателем, Карамзин предстал в утрированной роли «европейца». В этом случае он не боялся произвести шокирующее впечатление, скорее даже стремился к этому... Восприятие современниками молодого издателя «Московского журнала» как «нового человека» и «европейца» входило в эту «игру» и составляло условие